Карлова Е.В., Харченко С.В. (Москва)

О СВЯЗИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ГРАНИЦ ГОРОДСКИХ ВЕРНАКУЛЯРНЫХ РАЙОНОВ С ПРИРОДНЫМИ РУБЕЖАМИ (НА ПРИМЕРЕ КРУПНЫХ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ)

Karlova E.V., Kharchenko S.V.

ON RELATIONS OF GEOGRAPHICAL BOUNDARIES OF THE URBAN VERNACULAR REGIONS AND NATURAL BARRIERS (CASE STUDY OF BIG CITIES OF THE CENTRAL RUSSIA)

Аннотация. *В статье апробируется методика общественно-географического изучения вернакулярного районирования — контент-анализ частных рекламных объявлений в сфере недвижимости, на примере крупных городов Центральной России (Белгород, Орёл и Курск). Установлена связь географических границ городских вернакулярных районов с физико-географическими преградами орографического и гидрографического характера.*

Abstract. *In this article we put into practice the method of socio-geographical study of vernacular zoning – the content analysis of private real estate advertisement – using the example of big cities of the Central Russia (Belgorod, Oryol and Kursk). The correlation between geographical boundaries of common intraurban zones and relief- and water-based physical geographical barriers has been confirmed.*

Ключевые слова: *территориальная идентичность населения, городской вернакулярный район, внутригородское сообщество, хороним вернакулярного района, эффект престижности на рынке городской недвижимости, метод контент-анализа, рельеф и водотоки в городе.*

Key words: *population spatial self-identity, urban vernacular region, neighborhoods, vernacular region toponym, prestige effect on the real estate market, content-analysis method, relief and rivers in a city.*

Введение. Термин «вернакулярный район» в современных географических и социально-гуманитарных науках используется в различном понимании, однако общей всегда является его причастность к концепции территориальной идентичности человека или общности людей. Единой и междисциплинарной теории территориальной идентичности населения к настоящему времени не выработано. Отметим следующее различение в понимании территориальной идентичности населения, проекция которой открывает важные логические основания в сущности феномена вернакулярного районирования. Предполагается выделение двух подходов к интерпретации территориальной идентичности. Первый – «идентичность территории», подразумевает индивидуализированные чувства, эмоции, переживания и представления человека о географическом пространстве. Второе направление, рассматривающее «идентичность территориальной общности людей», в географической науке менее разработано, поскольку более тяготеет к социологическому знанию. Территориальная идентичность в этом случае является видом коллективной идентичности, т.е. идентичности между людьми, проживающими на определенной географическом пространстве [8]. Отметим релятивную природу проведенной

границы между исследовательскими подходами, поскольку многие понятия, к которым относится и вернакулярный район, сложно интерпретируются с требуемой точностью. Проецируя это различение на понимание вернакулярного района, заметим, что он может интерпретироваться в научной литературе как общепризнанный народный район, характерный в восприятии всего местного сообщества, и также как ментальный район, свойственный пространственной перцепции отдельного взятого члена сообщества.

Изучение вернакулярных районов (именуемых также «обыденными», «образными», «народными», «перцепционными», «фольклорными», «неформальными», «ментальными», «местными», «будничными», «когнитивными») в отечественной географии связано с зарубежными исследовательскими практиками. Исследованием вернакулярных районов в отечественной науке занимались Л.В. Смирнягин, С.Г. Павлюк, К.А. Пузанов, М.В. Рагулина, О.А. Лавренова, М.П. Крылов, А.А. Гриценко, Н.Ю. Замятина, Д.Н. Замятин, А.А. Ткаченко, Н.М. Межевич, Р.Ф. Туровский, В.Н. Калуцков, А.А. Высоковский, О.И. Вендина, И.И. Митин, Н.Л. Мосиенко, И.С. Самошкина, А.А. Мирошниченко, С.Г. Казаков, С.А. Фрейдлин и другие ученые. Вовлечение отечественных исследователей к изучению проблем в этой области науки свидетельствует о вхождении термина и понятия в общенаучный оборот как устоявшихся.

Начальный этап: опыт зарубежных исследований вернакулярных районов и ментальных представлений человека/общности о пространстве

Становление в англо-саксонской географии гуманитарных исследований, ориентированных на изучение отношения человека или группы людей к окружающей среде, в том числе и к географическому пространству, подробно описано в книге Дж. Голда «Психология и география: основы поведенческой географии» [1]. Книга К. Линча «Образ города» в настоящее время также остается знаковой для этого направления научных исследований [10]. К. Линч среди многообразия образов города (окружения) проводил типологизацию их и выделял пять элементов: пути, границы или края, узлы, ориентиры и собственно районы. Под последними автор понимал выделение горожанами частей города, средних по величине, обладающих общим, распознаваемым характером. Автор подчеркивает, что именно пути и районы являются доминантными элементами упорядочивания образа города. В дальнейшем его пятичленная типология мысленных представлений о городе неоднократно проверялась другими исследователями и в некоторых случаях подвергалась сомнению [28, 33, 40]. В книге «Смерть и жизнь больших американских городов» [3] под авторством Дж. Джекобс используется выражение «городская/ уличная округа», в нашем понимании более относящееся к городскому/ уличному сообществу, нежели к городскому/ уличному району. Отдельным направлением выделяется изучение ментальных карт («mental map», «cognitive map») и возможных способов ментального картографирования. Впервые когнитивные карты были составлены Э. Толманом [42], под ними автор понимал психологическую деятельность человека, при помощи которой он хранит и обрабатывает важную для него пространственную информацию, перенесённую на реальную географическую картографическую основу.

В 1970–1990 гг. в американской географии над региональным концептом начинает доминировать концепт «места/местности». Это направление развивали Дж. Агнью [23], Э. Рельф [38], И-Фу Туан [43; 44] и многие другие ученые.

Далее, имел место переход от описанного ранее направления к исследованиям именно вернакулярных районов. Начальным этапом их изучения в англо-американской традиции выступают работы: Р. Хейл [29] и У. Зелинского [45, 46], а также Дж. Броунелла [25], Дж. Ш. Ридома [37], Дж. Гудома [27], Т. Джордана [32], Дж. Шортриджа [41] и других. В настоящее время в рамках этого понимания проводятся аналогичные исследования не только в США [24], но и в других странах мира, например в Англии [26]. В последнее время наблюдается резкое снижение количества работ по тематике вернакулярного районирования в зарубежной географической науке после 1980–1990 гг., которое связывают с различного рода причинами. Главная из них кроется в исчерпании классических методов географической науки при изучении подобных явлений, в то время как представители социальных и гуманитарных наук значительно продвинулись в исследованиях этой стороны жизни социума.

Помимо англо-американского направления изучения вернакулярных районов, отметим и немецкую традицию 1980–1990 гг., основанную на работах Г. Харда [30], Х. Поппа, Б. Бутциля, Г. Хайнритца и других. Большая их часть сконцентрирована на проблеме выявления «регионов сознания» («Bewusstseinsräume»). В.Н. Стрелецкий, проводя сравнение «регионов сознания» с американскими «вернакулярными районами», отмечает меньшую устойчивость немецких районов/регионов в сравнении с укорененными в народной культуре вернакулярными районами [19]. В настоящее время в немецкой географии выделяется отдельное научное направление по изучению территориальной (пространственной) идентичности («Regionbezogene Identifikation») и пространственных представлений населения на европейском уровне [31].

Исследования вернакулярных районов в отечественной общественной географии

Выделим три направления изучения вернакулярного районирования в отечественной общественной географии: первая группа работ выполнена под научным руководством Л.В. Смирнягина (МГУ) и его учеников (С.Г. Павлюк, К.А. Пузанов и другие). Другое направление разработано в исследованиях Н.Ю. Замятиной в рамках когнитивной (гуманитарной) географии (МГУ, НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва). Ещё одна группа сформировалась вокруг исследований региональной идентичности и неформальных регионов М.П. Крылова (ИГ РАН) и его ученика А.А. Гриценко. Главной отличительной чертой исследований вернакулярных районов отечественной науки от англо-саксонской традиции является их понимание как проявлений территориальной самоорганизации населения, выражающейся, по нашему мнению, в повседневных рутинных пространственных практиках.

О роли топонимики в существовании вернакулярных районов. Опираясь на различение подходов к пониманию территориальной идентичности, обратимся к ее проекции на теоретические основы вернакулярного района. Вернакулярные районы в случае существования их в «представлениях» людей могут научным образом интерпретироваться как концепт «район–хороним». В понимании «идентичности территориальной общности людей» вернакулярный район описывается концептом «район–сообщество». Концепт «район–хороним» представляется в виде топонимической основы самоназвания местного населения. Под хоронимом понимается исключительно специальный класс топонима, используемый для обозначения названий городских вернакулярных районов. При этом опираемся на теоретические работы по ономастической терминологии: «городской хороним – вид хоронима и вид урбанонима; собственное имя части территории города, в том числе района, квартала, парка, кладбища, например, Зарядье, Петроградская сторона, Васильевский остров [15, с. 160]». В микротопонимике города, помимо классов урбанонимов, отдельно выделяются топонимы на основании структурообразующих элементов (планарные, линейные и точечные): «К планарным наименованиям относятся названия районов, поселков, микрорайонов, условно вычленяемых участков городской территории» [18, с. 54]. Очевидно, автор под условно вычленяемыми участками городской территории подразумевает именно вернакулярные районы.

Наличие неформального (локального, местного, неофициального, альтернативного) хоронима, говорит об осмыслении человеком городского пространства. Именно при помощи названия района люди понимают друг друга в процессе коммуникации на тему пространственной дифференциации города. Хороним указывает на наличие локального уровня территориальной идентичности населения, что свидетельствует о присутствии горожанина в географическом пространстве. В этой связи С.Г. Павлюк выдвигает следующее положение: «локальную топонимику можно одновременно рассматривать и как форму перехода общества от пространственной самоидентификации к пространственной самоорганизации, и как индикатор этого процесса [14, с. 47]».

Данную мысль можно продолжить, исходя из понимания «топоса», сформированного в культурной географии и культурологии. В этнокультурном ландшафтоведении В.Н. Калуцковым разработана топологическая теория культурного ландшафта: «это пространственно-территориальная организация совокупности всей жизнедеятельности (местного) сообщества на «своей» земле, территории [6, с. 146]».

Согласно указанной теории, «топос» – это местоназвание, т.е. результат сложения «топонима» и «места», т.е. локализованный топоним, и даже «именное угодье». «Место» в этой интерпретации выступает материальной составляющей «топоса», специфика которого находит своё отражение в топонимике, например, часто встречающийся внутригородской вернакулярный район «Заречье. При сравнении «топоса» и «хоронима» отметим, что любой «топос» является хоронимом, но не всякий «хороним» представляется «топосом».

Несомненно, рельеф вносит большой вклад в оформление топонимической номенклатуры городов, но зависимости между сложностью рельефа и распространенностью геоморфологически обусловленных топонимов на макроуровне не наблюдается, по крайней мере, для изученных крупных городов Черноземья [22, с. 68]. Связано это с тем, что вес геоморфологического фактора менее значителен, чем таких, например, факторов, как особенности исторического развития территории, давление господствующей идеологии и характер управления. Проявление исторической традиции украинского культурного градиента [2] выявлено во внутригородской неформальной топонимической окраске г. Белгород.

О роли природных барьеров в формировании территориальной идентичности и вернакулярных районов. Практически отсутствуют работы, посвященные влиянию природных барьеров на географические границы вернакулярных районов для разных уровней их организации. В основополагающей работе по культурной географии Северной Америки У. Зелинский проводит географические границы «будничных районов» плавными линиями, не сводимыми к крупным природным преградам [45]. Подобные районы не являются пространством жизнедеятельности отдельно человека. Поэтому природные рубежи, ограничивающие и направляющие повседневные перемещения населения, не выступают первостепенными при выделении районов такого масштаба.

Противоположный пример приводит Р.Ф. Туровский, утверждая, что «для региональной идентичности свойственна привязка к крупным географическим ареалам». Такой тип самоидентификации автор называет «физико-географическим» и отмечает, что районы, выделенные по этим основаниям, «привязываются к физико-географическим объектам или сторонам света, например: Север, Поволжье, Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток [20]».

По другим основаниям происходит выделение вернакулярных районов локального уровня: они являются продуктом многолетнего опыта проживания людей в ландшафте, это результат их жизнедеятельности. Учитывая большие масштабы и протяженность природных объектов в городе, они оказывают на каждодневную географию деятельности отдельного человека влияние порой не меньшее, чем точечные или мелкоареальные антропогенные преграды – здания, огороженные участки в частной собственности, режимные территории. Пространственная неоднородность природы выражается либо в наличии плавных градиентов, либо в принципиальной смене физико-географических обстановок. Для одного и того же природного образования при изменении масштаба рассмотрения один тип переходов к соседнему объекту (плавный) может сменяться другим (резким) и наоборот. Среди всех видов преград в городах наиболее резки и заметны объекты гидрографии, а в особенности реки. Помимо них, важную роль играет и рельеф, формируя так называемые «бассейны видимости», границами которых во многих случаях и очерчивается площадь жизненного пространства конкретного индивида. Таким образом, пространство его жизни – это не только траектории перемещения, но и буферные зоны разной ширины в зависимости от расчлененности природного (например, холмисто-эрозионная равнина) или антропогенного («архитектурный рельеф» строений) рельефа. Именно объекты гидрографии и элементы топографии территории во многих случаях обеспечивают не плавный градиент характеристик среды, а принципиальную смену ландшафта. Более того, определяя планировку городов, орогидрографическое устройство территории оказывает тем самым еще и косвенное влияние на пространство жизнедеятельности людей.

Природные границы могут находить своё отражение в границах ментальных, поэтому нам представляется важной попытка сравнения этих рисунков. Пример г. Курска иллюстрирует место рельефа и водотоков в истории формирования современного верна-

кулярного членения города. Прокурор Курского наместничества С. Ларионов отмечал зачатки геоморфологических оснований деления города на районы: «городская часть отделена [ручьем] Куром от Закурной, рекою Тускарь от Стрелецкой и от севера двумя превеликими буераками, простирающимися первый до реки Тускари, а второй до речки Кура, и рвом, назначенным в окружность города, который тех буераков вершины соединяет. Закурная отделяется речкою Куром от городской части, Тускарью от Стрелецкой слободы, буераком от Казачьей и от полуденной стороны валом, назначенным в окружность города, который, начинаясь от реки Тускари, входит в вершину сего буерака [9, с. 37]». В контексте нашей работы важным выступает и наблюдение В. Москвитина, отмечавшего сословный характер гипсометрической дифференциации застройки Курска, сложившейся к XIX веку: «на возвышенностях холмов располагались кварталы богачей, дворян, помещиков, купцов, магазины и склады, банки и торговые ряды. Внизу, на окраинах, царила непролазная грязь [13]». Описанные территории в Курске в настоящее время принадлежат к разным вернакулярным районам.

Природная обусловленность границ личного пространства жизнедеятельности горожан рассмотрена в исследовании В.А. Караваева [7] на примере юго-запада Москвы, где автор отмечает зависимость границ вернакулярных районов («городских местностей») от геоморфологических границ – гребней и тальвегов. «Городские местности» были выделены им по результатам опроса более чем тысячи респондентов. В 2004 г. темой «Иркутского геоморфологического семинара» объявляется «рельеф и человек» [17]. В сборнике материалов можно найти немало работ, посвященных восприятию рельефа человеком, в основном – в эстетическом аспекте.

Кроме эстетической ценности ландшафтов со сложным рельефом, географы должны исследовать механизмы восприятия ландшафта в целом. Работ, посвященных этой проблеме, крайне мало – как в отечественных журналах, так и в зарубежных изданиях. Об этом же пишет в своей диссертации Дж. Манн из университета Восточной Каролины [34]. Она отмечает, что в очень небольшом количестве работ рассматривается то, как элементы или особенности физико-географической среды становятся идентификаторами для выделения вернакулярных районов. Диссертация посвящена изучению влияния природных особенностей побережий на формирование дробной вернакулярной структуры. Дж. Манн все-таки называет две работы, которые, по ее мнению, показательны. Первая статья написана математиком Г. Райсом и геоморфологом М. Урбаном и опубликована в «Journal of Cultural Geography» в 2006 г. Она посвящена изучению распространенности «от-гидрографических» названий фирм и организаций в городах по берегам Миссисипи и Миссури [39]. Вторая работа [35] описывает историю успешной самоорганизации населения ряда городов, расположенных на реке Нью-Ривер в Аппалачах в штатах Северная Каролина, Вирджиния и Западная Вирджиния. Обе статьи посвящены скорее «объединяющему» воздействию рек.

В изучении вернакулярных районов в городе существует опыт их привязки к разным типам дифференциаций городского пространства. В частности, существуют описания взаимосвязи ментальной (через выделение вернакулярных районов) и рельефно-планировочной дифференциаций городской среды. При этом, под последней понимается роль природно-климатических параметров, в первую очередь рельефа города, в ментальном членении [11]. Однако исследования подобного рода базировались на качественных (нестатистических) наблюдениях членов экспедиции и представителей городского сообщества.

Методика исследования. В процедуре следует выделить три крупных самостоятельных блока. Первый – определение географических границ вернакулярных районов; второй – унификация природных границ, «приведение их к общему знаменателю»; третий – проведение соответствия между ними.

Блок 1. Для выявления и изучения особенностей внутригородских вернакулярных районов используются массовые социологические опросы населения, интервьюирование местных экспертов-краеведов и членов локальных сообществ, дешифрирование информации интерактивных картографических веб-сервисов (типа Wikimapia и пр.). В этом исследовании использовался контент-анализ средств массовой информации, касающихся

рынка недвижимости. Отчасти этот метод уже применялся в общественно-географических исследованиях миграций молодежи [4].

Подготовительный этап исследования включал определение программы анализа материалов. Выбран тип источника – рекламно-информационная газета и интернет-портал «Моя реклама», еженедельно публикующие частные объявления в девяти областных центрах России (города Белгород, Брянск, Воронеж, Калуга, Курск, Липецк, Орёл, Смоленск и Тула) и в г. Гомель Республики Белоруссия [5]. Для исследования выбраны три крупных города: Белгород, Орёл и Курск. В качестве смысловых единиц для контент-анализа выбраны хоронимы вернакулярных и административных районов городов. Создан регистр районов, в который заносилась информация о каждой анализируемой единице совокупности: название района, адрес, тип предложения (продажа, аренда и др.), стоимость сделки, дата публикации объявления и др. Отбор информации, относящейся к вернакулярным районам, происходил, исходя из наличия в объявлении слова «район». Положительным не считался случай, когда для определения местоположения недвижимости автор употреблял городские ориентиры, даже при условии существования подобного района. Использование вернакулярных районов в частных объявлениях позволяет их авторам более точно описать географическое положение места, так как административный район является мелкомасштабным, а конкретный адрес – крупномасштабным описанием. Авторы объявлений указывают узнаваемые (общепризнанные) районы города, известные широкому числу горожан. В большей части объявлений с употреблением вернакулярного района точный адрес отсутствует.

Количество пар значений «адрес–район» в собранной нами базе для Белгорода исчисляется тысячами, что позволяет считать все последующие построения приближенными к действительной ситуации. Поэтому именно этот город был взят за территориальный полигон исследования для установления связи географических границ вернакулярных районов с природными рубежами. Плюсом методики является наличие материала в открытом доступе и простота его получения в сравнении с качественными и количественными социологическими методами.

Упрощенно процедуру сбора и пространственной привязки информации о вернакулярных районах можно представить в виде двух пунктов:

1. Ручное составление табличного реестра «адрес – район» при просмотре страниц объявлений. При этом возможна полуавтоматическая выгрузка страниц сайта с последующей обработкой и приведением к тому же самому виду – табличному реестру.
2. Привязка информации о районах по адресам к конкретным зданиям в ГИС.

Сложно преодолимая проблема заключалась в проведении географических границ вернакулярных районов на картосхеме. Не претендуя на единственно верное решение, авторами предпринята попытка определить наиболее вероятное положение географических границ, отталкиваясь от географической привязки исходной информации и допуская прочие факторы равнодействующими. Географические границы проводятся на основе объективных данных и субъективно-личностный элемент в их «отрисовке» минимизирован. Вокруг каждого строения, для которого имеется «районная» привязка, есть некая окрестность, каждая точка которой ближе именно к этому строению, чем к другим. Если оконтурить эти участки, то получится мозаика своеобразных «сфер доступности» зданий. Такие полигоны для каждого из зданий представляют «полигоны Вороного». Оконтуривание примерных географических границ районов проводилось при помощи ГИС, имеющих функционал автоматизированного построения полигонов. Соединение таких «сфер» для зданий одного района дает нам примерный рисунок границ этого района. Естественно предположить, что полученные расчетами линии могут выражать либо четкие линейные границы, либо представлять собой скелет полос переходных зон. Принципиальной важности в контексте цели работы это не имеет. Важна лишь морфология границ и степень сходства с морфологией природных рубежей.

Блок 2. Считаем природными рубежами водотоки, а также вытянутые ареалы – участки крутых склонов, которые на практике также почти непроходимы. Нужно понимать, что склоны разной крутизны по-разному дробят городское пространство: так, склоны крутизной больше 6° обычно не осваиваются

многоэтажной застройкой. Естественно, что две субгоризонтальные поверхности под застройкой на разных гипсометрических уровнях, будучи соединенными незастроенной поверхностью уступа, могут восприниматься как отдельные структуры, пусть даже они и представляют собой единый архитектурный ансамбль. Склоны с крутизной от 20° ограничивают постройку и эксплуатацию автодорог, даже гораздо более пологие склоны затрудняют движение крупных автобусов и трамваев. Начиная с крутизны около 40°, по склону трудно перемещаться пешеходу без помощи рук.

Блок 3. Представим случай, когда географические границы вернакулярных районов целиком обусловлены лишь природными рубежами. В этом случае обособленные природными границами участки территории должны в максимальной степени совпасть с ареалами вернакулярных районов. Очевидно, что степень отклонения от такой идеальной модели отразит и степень независимости ментальных границ от природных барьеров. Для определения соотношения географических границ вернакулярного района и основных форм рельефа необходимо рассчитать его распределение по самостоятельным природным выделам. Такое распределение покажет степень зависимости в размещении района: чем больше границы природные и вернакулярные будут идентичны, тем более зависимы вторые от первых. Помимо этого, необходимо оценить геоморфологическое положение не только всей площади очерченного вернакулярного района, но и его ядра – как правило, местности с большой плотностью опорных точек.

Результаты и их обсуждение. Учитывая разнородность данных, которые удалось получить из исследуемой газеты, опишем опыт анализа различных категорий. Полнота и содержание данных из газеты о вернакулярных районах в разных городах оказались очень разными. Причины этому следует искать в традиции подачи объявления, которые формулируются преимущественно по образцу более ранних выпусков газеты. Итак, проведен анализ вернакулярных районов по следующим аспектам:

- оценка выраженности вернакулярных районов в массе объявлений о купле-продаже-аренде недвижимости в г. Орёл и некоторые сопутствующие эффекты;
- описание эффекта замещения функций административных округов г. Белгорода (слабо обусловленных свойствами физического пространства) его вернакулярными районами;
- и наконец, главная проблема – автоматизированное построение предположительных границ вернакулярных районов и их соотношение с природными рубежами в г. Белгорода.

Коэффициент выраженности вернакулярных районов для г. Орёл. Количественно-качественная обработка данных сформированного нами реестра происходила по формуле, разработанной социологом А.Н. Алексеевым [12] для оценки «удельного веса» смысловых категорий в общем объеме текста:

$$У_{КС} = \frac{К_{ГЛ} + К_{ВТ}}{\sum(2 \cdot К_{ГЛ} + К_{ВТ})} \cdot 100\% ,$$

где $У_{кс}$ – «удельный вес» наименований вернакулярных (ВР) или административных районов (АР) в общей массе названий районов в объявлениях газеты; $К_{гл}$ – число случаев, когда смысловая единица (ВР или АР) оказалась главной; $К_{вт}$ – число случаев, когда та же единица (ВР или АР) оказывается второстепенной.

Объявления с указанием только вернакулярных или только административных районов считается случаем, когда смысловая единица оказывается главной. Число случаев, когда та же единица оказалась второстепенной – это число объявлений, где одновременно зафиксирован вернакулярный и административный районы, при условии, что вернакулярный район имел второстепенное значение и наоборот.

Осуществив расчеты по указанной формуле для периода 16.07.2012–19.08.2012, «удельный вес» встречаемости хоронимов административных районов (81,6769%) в сравнении со смысловой значимостью хоронимов вернакулярных районов (18,3231%) в 4,46 раза больше. Схожая тенденция для г. Орёл наблюдается и для других временных отрезков после 2000-х гг.

Вернакулярный район используется в целях более точной привязки географического места к «мысленной» карте города.

Посредством этой ментальной карты обычному горожанину достаточно представлять себе расположение неформальных районов, а не иметь в голове точную карту города с нумерацией домов. Этот факт и подтверждает положение о связи вернакулярного районирования с территориальной самоорганизацией общества. В этой связи рассмотрение текстов частных объявлений в СМИ нами используется как один из способов получения данных о наличии вернакулярных районов, уточнения их географических границ и модуса выраженности, а также косвенных свидетельств о престижности городского пространства. Утверждать, что подобный способ даст точные представления о престижности городской среды, сложно, если учесть основы нормативной теории принятия решений человеком. Исходя из концепции «экономического человека», он желает получить максимальную прибыль от географического расположения недвижимости, географические границы центра города по результатам контент-анализ для г. Орёл значительно отличаются от географических границ, выявленных на основании социологических опросов, проведённых одним из авторов в 2009–2010 гг.

Для информационного поля анализируемой сферы в г. Орёл установлены следующие эффекты:

1) «Расширение» географических границ вернакулярного района «Центр», происходящее под действием фактора «престижности городской среды». Помимо значения «центр города», часто встречается употребление слова «центр» для административных районов. Также зафиксированы «центры» многих вернакулярных районов (например, район «Центр Микрорайона»). Подобный случай подтверждает выраженность в сознании горожан самого вернакулярного района. По народной топонимике места с учетом позитивного или негативного окраса топонима можно судить об отношении жителей города к этому месту. Зачастую сформированный в прошлом или действующий стереотип «непрестижных» адресов/районов в настоящее время может не отражать реально сложившихся условий среды проживания. Во избежание материальных потерь человек умеренно не фиксирует район расположения недвижимости или указывает соседний более престижный вернакулярный район (например, район «Бетонка» заменяется соседним районом «Южный»). Подобная закономерность особенно прослеживается среди дорогостоящих предложений — объявлений в разделе продаж трехкомнатных и многокомнатных квартир.

2) Сезонная ритмика географических границ вернакулярных районов. Этот эффект наибольшим образом прослеживается в вернакулярных районах, отражающих в своем хорониме названия высших учебных заведений или районов, в котором они располагаются. Географические границы таких вернакулярных районов пространственно «расширяются» в начале июня – конец сентября, когда студенты заняты поиском жилья для аренды.

Вернакулярные районы выполняют административную функцию городских районов. Газета «Моя Реклама–Белгород» в этом отношении уникальна. Изначальное распределение объявлений при подаче их на сайте или по телефону производится сразу по четырем районам: Харьковская гора, Крейда, Центральный и Северный (подобное членение задается редакцией газеты). В административном делении город состоит только из двух округов – Восточного и Западного [21], а границы вышеперечисленных районов административно не закреплены. Кроме того, границы районов никак не соотносятся с границами округов. В тексте же самих объявлений иногда указываются еще и районы более низкого иерархического уровня (например, подрайоны Центрального района: «Кашар», «район Дома Правосудия», Северного района: «Ячнево», «район Ротонды», Харьковской горы: «Улитка», «Новый», Крейды: «Старый город» и другие). За период 6.05.2013–5.06.2013 проанализированы 8038 объявлений по г. Белгород, из них около 11% отражают подрайоны основных вернакулярных районов. С точно указанными адресами, в дальнейшем подвергшимися картографированию, – около 31%, при этом уникальных случаев только 10% (803 адресов).

Связь географических границ вернакулярных районов с орогидрографической структурой города. Результаты расчетов указывают на сходные тенденции в размещении районов. Наибольшие барьерные функции при вернакулярном дроблении территории в городе выполняют самые

крупные водотоки – здесь это р. Северский Донец, секущая город с севера на юг и отделяющая в его восточной части крупный блок – вернакулярный район Крейда (рис. 1). Географические границы районов и положение водотоков не совпадает, что связано, в основном, с малочисленностью адресных привязок района за взятый временной промежуток. Для района, занимающего примерно пятую часть города, – всего 23 (из около 800) адреса. Наблюдаются грубые контуры выделенных географических границ и несовпадение их с положением реки, которая, по всей видимости, и должна выступать границей, на что указывает топологическая общность двух контуров. В нашем случае к обоим контурам в их средней части причленяется с запада еще по одному – река и граница районов, т.е. оба они имеют сходные топологические черты (положение узловых точек).

Меньшая по водности река с более узкой долиной – р. Везёлка – отражена в вернакулярной дифференциации иначе. По ее долине проходит граница районов «Центр» и «Харьковская Гора». В крайней западной части города эта граница тупым клином взбирается на склон водораздельного холма р. Везёлки и ее притока – р. Гостянки.

Иначе дело обстоит ближе к впадению р. Везёлки в р. Северский Донец, ниже по ее течению. Участок долины р. Везёлки от устья р. Гостянки и до р. Северский Донец расположен между крупными массивами реперов – адресных привязок районов, и здесь граница Харьковской Горы (с юга) и Центра (с севера) тяготеет к основанию эрозионного склона правого борта долины – основанию

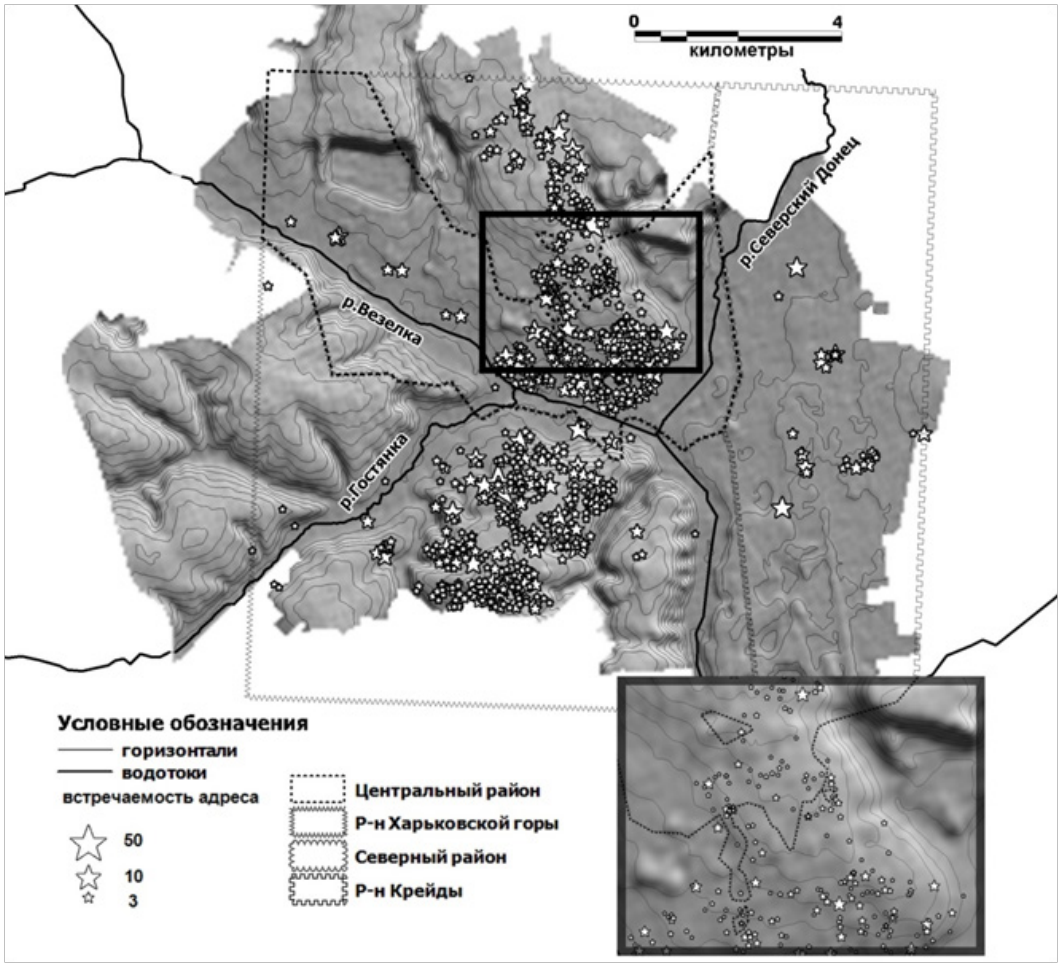

Рис. 1. Географические границы вернакулярных районов и орогидрографическая структура города Белгорода (масштаб пунсонов на врезке не соблюдается)

«горы». Наименовав южную часть Белгорода «горой», местным жителям не так просто стало мысленно «причленять» к ней и правобережный фрагмент поймы р. Везёлки, которая с «горой» никак не ассоциируется; хотя этот участок находится от остального Центра за рекой, к «горе» его присваивать труднее, чем к Центру.

Наибольший интерес представляет граница Центрального и Северного районов. На большем своем протяжении она проходит вдоль направлений малых эрозионных форм. С запада (в районе мелового карьера, который отражен в северо-западной части схемы крупным трапециевидным понижением), – граница тянется вдоль протяженной балки (в народе «Лог Оскочный»), а ближе к окраине города отклоняется от балки на запад. Это следствие малочисленности опорных точек – застройка здесь сосредоточена только вдоль улицы Сумской. Эта улица на схеме маркируется чередой отдельных пунсонов, уходящих от центра на запад вдоль р. Везёлки. В восточной части Северного района граница на отдельном участке примерно 1 км длиной проходит по бровке правого склона малой эрозионной формы. Дальше к северу граница сечет эту балку поперек. Это место располагается недалеко от официальной границы города, местным населением именуется как «Белая Гора», в честь меловой горы, на которой стояла первая белгородская крепость. Балка выработана пересохшим ныне ручьем Ячнев Колодезь, отмечаемым на картах XIX в. в качестве водотока. Сейчас окрестности «Белой Горы» почти не застроены и дают нам немного привязок. Особый феномен наблюдается у границы Северного района в южной его части. Северный район здесь вдается глубоко на юг, но еще глубже проникает своеобразный «вырост» вдоль главной улицы города – проспекта Богдана Хмельницкого. Центральный район в ответ обзаводится анклавом «в теле» Северного района. Это все хорошо различимо на врезке: и километровый вырост Северного района к югу, и анклавы обоих этих районов на территории соседа.

В целом, отмечается приуроченность районов к обособленным природными барьерами участкам. Большую роль в дроблении «ткани города» играют водотоки, причем в данном случае самостоятельную границу формировал наиболее крупный водоток – р. Северский Донец, его приток р. Везёлка не стал самостоятельной границей.

Далее по протяженности границ приоритет отдается малым эрозионным формам и их элементам: тальвегам и бровкам, однако для уверенных утверждений здесь все же недостает опорных точек. Лишь малая часть границ абсолютно индифферентна орогидрографической структуре территории. И именно здесь отмечается «конкуренция» районов – отдельные фрагменты территории, идентифицируемые жителями как Северный или Центральный районы, проникают на территории соседнего.

Итак, каждый район занимает обособленный отрицательными линейными формами рельефа участок, т.е. районы охватывают и пониженные участки, и склоны, и обширные междуречные пространства. Тем не менее, ядра районов (наиболее плотно застроенные их доли) характеризуются обычно гораздо более однообразным рельефом.

Во всех районах пик встречаемости опорных точек находится на разных гипсометрических уровнях. Исключение составляет район Крейды, наибольшее количество зданий с «районной привязкой» в котором находится на том же уровне, что и в Центральном районе. Большая часть зданий в этом районе приурочена к низким надпойменным террасам р. Северский Донец, и, будь статистика полнее, пик встречаемости сместился бы на более низкий уровень – менее 120 м над уровнем моря. В остальных районах ситуация более ясная. Северный район включает осевую магистраль – улицу Богдана Хмельницкого – и смежные кварталы относительно неширокой полосой к западу и востоку от оси. Эта улица – бывший Московский тракт, стратегическая транспортная артерия, которые обыкновенно располагали на водоразделах. Современный Северный район Белгорода сформировался именно вдоль линии водораздела бассейнов р. Северский Донец и р. Везёлки. Такое положение выражается в значительной приподнятости территории района над всей остальной территорией города.

Харьковская гора во многом напоминает Северный район, в то время как Центр тяготеет больше к понижениям, хотя здания распространены в весьма широком гипсометрическом диапазоне. По левому борту долины р. Везёлки широкой полосой (до 1,5 км) распространены крупные фрагменты второй

надпойменной террасы, чего нет у подножия Харьковской горы. Большая часть Центра находится именно на площадке террасы, немалая часть занимает пологие склоны почти не выраженного уступа, поднимающегося к междуречьям. В районе малозаметной бровки уступа и проходит граница Центрального и Северного районов, т.е. центр занимает относительно низкую площадку надпойменной террасы и, в меньшей степени, опирающиеся на нее пологие склоны. Это и обеспечивает такое распределение зданий-реперов по высотам. Таким образом, в пределах обособленных орогидрографически участков с самым разнообразным рельефом ядра вернакулярных районов охватывают в целом лишь морфологически однообразные участки.

Выводы

1. Новый метод для общественно-географического исследования городских вернакулярных районов — контент-анализ СМИ по рынку недвижимости позволяет выявить локализацию вернакулярных районов в городском пространстве. Установленные таким способом вернакулярные районы отражают представления горожан о дифференциации территории города.

2. Обоснована связь географических границ вернакулярных районов с природными рубежами орографического и гидрографического характера для г. Белгород. Наибольшую роль в формировании границ вернакулярных районов играют крупные реки. Малые реки с относительно узкими долинами сказываются иначе – границы проходят не по самим рекам, а по элементам форм рельефа, созданным рекой. В ряде случаев границы вернакулярных районов проходят и по малым эрозионным формам. Эффект «конкуренции» между районами отмечается только на участках со слабо расчлененным рельефом – соседние районы проникают друг в друга анклавами.

3. На основе контент-анализа частных объявлений установлены следующие эффекты для г. Орёл: «расширение» географических границ вернакулярных районов под действием фактора «престижности городской среды», сезонная ритмика географических границ некоторых вернакулярных районов.

4. Вычислены смысловые выраженности официальной и обыденной территориальной (внутригородской) самоидентификации населения при сравнении употребляемости в частных объявлениях хоронимов административных и вернакулярных районов для г. Орёл. При этом для большинства исследуемых временных отрезков преобладающим видом территориальной самоидентификации выступают именно хоронимы административных городских районов (в среднем перевес оценивается в 4–5 раз).

5. Вернакулярные районы, на примере г. Белгород, могут выполнять административную функцию официальных городских районов.

6. В дальнейшем требуется совершенствование разработанного метода для проведения региональных (междугородних) сравнений, поскольку в каждом городе формируется специфическая среда функционирования рынка недвижимости. Она обусловлена региональным законодательством и местными неформальными институтами.

Библиографический список

1. Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. – М.: Прогресс, 1990. – 303 с.
2. Гриценко А.А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье: автореф. дисс. … канд. геогр. наук. – М., 2010. – 25 с.
3. Джекобс Дж. Смерть и жизнь больших американских городов. – М.: Новое издательство, 2011. – 460 с.
4. Замятина Н.Ю. Метод изучения миграций молодежи по данным социальных Интернет-сетей: Томский государственный университет как «центр производства и распределения» человеческого капитала (по данным социальной Интернет-сети «ВКонтакте») // Региональные исследования. – 2012. – № 2 (36). – С. 15–28.
5. Информационно-рекламное издание «Моя Реклама» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.moyareklama.ru/enter.php. Последняя дата обращения: 28.04.2014.
6. Калуцков В.Н. Топологическая теория культурного ландшафта // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. – М.: Институт Наследия, 2004. – С. 138–154.
7. Караваев В.А. Городской ландшафт в представлениях горожан и нормативных документах: автореф. дисс. … канд. геогр. наук. – М., 2007. – 24 с.
8. Карлова Е.В. Коллективная территориальная идентичность и локализация внутригородского сообщества типа «grassroots» // Векторы развития современной России. Междисциплинарные научные интервенции. Материалы XII Международной научно-практической конференции мо-

лодых ученных. 19–20 апреля 2013: сборник материалов / под общ. ред. М.Г. Пугачевой. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХГиГС, 2014. – С. 90–99.
9. Ларионов С. Описание Курского наместничества из древних и новых разных о нем известий, вкратце собранное Сергеем Ларионовым, того наместничества Верхней Расправы Прокурором. – М.: Типография Пономарёва, 1786. – 179 с.
10. Линч К. Образ города. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
11. Методика изучения дифференциации городского пространства российского города (на примере гг. Ставрополь и Пятигорск Ставропольского края) // Отчет об экспедиции НСО кафедры социально-экономической географии зарубежных стран. 2008.
12. Методологические и методические проблемы контент-анализа. Вып. 1, 2. – Отв. ред. А. Г. Здравомыслов. – М.–Л.: ИСИ АН СССР, 1973. – С. 19–24.
13. Москвитин В. Курск в прошлом и настоящем. – Курск: Областное изд-во, типография им. К. Маркса, 1939. – 53 с.
14. Павлюк С.Г. Традиционные и исторические районы как форма территориальной самоорганизации общества (на примере США и России): дис. … канд. геогр. наук. – М., 2007. – 273 с.
15. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 198 с.
16. Препарата Ф., Шеймос М. Вычислительная геометрия. – М.: Мир, 1989. – 478 с.
17. Рельеф и человек: Материалы Иркутского геоморфологического семинара, Чтений памяти Н.А. Флоренсова (Иркутск, 27— 29 сентября 2004 г.). – Иркутск: ИЗК СО РАН, 2004. – 179 с.
18. Свешникова, Н.В. Неофициальные микротопонимы г. Саратова // Речевое общение. 2002. Вып. 4. – Красноярск, Ачинск. – С. 154–159.
19. Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм в Германии и России: автореф. дис. ... докт. геогр. наук. – М., 2012. – 46 с.
20. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // Российское общество: становление демократических ценностей? – М.: Гендальф. 1999. – С. 87–136.
21. Устав городского округа «город Белгород» // Принят решением Белгородского городского Совета депутатов от « 29 » ноября 2005 года № 197, зарегистрирован отделом главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Центральному Федеральному округу в Белгородской области 07 декабря 2005 года.
22. Харченко С.В. Отражение рельефа в топонимике и когнитивном восприятии городского пространства (на примере городов Черноземья) // Геоморфология. – 2013. – №4. – С. 61–70.
23. Agnew J. The United States in the World Economy. Cambridge University Press, Cambridge, 1987.
24. Barker J.C. The major vernacular regions of Tennessee. Marshall University. 2005.
25. Brownell J. The Cultural Midwest // Journal of Geography, № 2, Jacksonville State University Press. 1960
26. Twaroch F. A., Jones C. B., Abdelmoty A.I. Acquisition of a Vernacular Gazetteer from Web Sources // Geographic Information. Science Conference GI Science, Utah, USA, 2008. P. 61–64.
27. Good J. A Perceptual Limitation of Southern Indiana // Professional Paper. № 8. Indiana State University, Department of Geography and Geology. 1976.
28. Goodey B. Perception of the Environment, Occasional Paper 17, Birmingham, Eng.: Center for Urban and Regional Studies, University of Birmingham. 1971.
29. Hale R.F. A map of vernacular regions in America. PhD dissertation. Minneapolis, Mn. Dept. of Geography, U. of Minnesota. 1971.
30. Hard G. «Bewusstseinsräume». Interpretationen zu geographischen Versuchen, regionales Bewusstsein zu erforschen // Geographische Zeitschrift. 1987. № 3. S. 127–148.
31. Heller W. (Hg.): Identitäten und Imaginationen der Bevölkerung in Grenzräumen: ... und Südosteuropa im Spannungsfeld von Regionalismus, Zentralismus, europäischem Integrationsprozess und Globalisierung // Einleitung: Von Grenzen und ihrer Überwindung (mit W. Łukowski). 2010. №. 22. S. 28–30.
32. Jordan T. Perceptual Regions of Texas // Geographical Review, vol. 68. 1978. №3.
33. Lee T.R. Psychology and Architectural Determinism (essay in three parts) // Architects Journal. 1971. P. 10–43.
34. Mann J.M. The Coast as a Vernacular Region. A PhD Thesis. 2010. 134 p.
35. Mayfield M.W., Morgan J.T. The «Oldest River» as an Appalachian popular region // Journal of Geography. 2005. № 104(2). P. 59–64.
36. Penguin Dictionary of Human Geography / Brian Goodall. Middlesex: Penguin Books, 1987.
37. Reed J.S. The Heart of Dixie: An Essay of Folk Culture // Social Forces, vol. 54. University of North Carolina Press. 1976.
38. Relph E. Place and Placelessness. London: Pion Limited. 1976. 156 p.
39. Rice G., Urban M.A. Where is River City, USA? Measuring Community Attachment to the Mississippi and Missouri Rivers. Journal of Cultural Geography. 24(1). 2006, P. 1–35.
40. Sarre P.V. Perception // New Trends in Geography. Milton Keynes: Open University. 1972.
41. Shortridge J. The Middle West. Its Meaning in American culture. Lawrence: University Press of Kansas. 1989.
42. Tolman E.C. Cognitive maps in Rats and Men // Psychological Rev. 1948. №55(4). P. 189–208.
43. Tuan Yi-Fu. Space and Place: The Perspective of Experience. Minneapolis: University of Minnesota Press. 2001. 235 p.
44. Tuan Yi-Fu. Topophilia: A Study of Environmental Perception, Attitudes, and Values. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1974. 260 p.
45. Zelinsky W. The Cultural Geography of the United States. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1973. 164 p.
46. Zelinsky W. North America vernacular regions // Annals of the association of American geographers. 1980. Vol. 70. №1. P. 1–16.